

Ленинск. правда т. 127, ЗИ. 568.

ВЕЧЕР ОДНОАКТНЫХ БАЛЕТОВ

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

НА АФИШЕ концертного зала «Октябрьский» три балетных названия, составляющих вместе программу вечера: балеты на музыку Б. Бартока, И. Гайдна и Д. Гершвина. Они поставлены хореографом Май Мурдмаа и являются новинками театра «Эстония», приехавшим в Ленинград после пятилетнего перерыва.

Спектакли гостей интересны. Различные по жанру, они отмечены свежестью и современностью балетмейстерской мысли.

«Чудесный Мандарин» открывает вечер одноактных балетов. В музыке, ошеломляющей своими контрастами, нашли отражение раздумья Бартока: не только о джунглях буржуазного мира, но и о трагических борениях души. Именно «джунгли» были показаны в самой известной из постановок, созданных на родине композитора — в Венгрии: внимание сосредоточивалось на убийствах и ужасах, происходящих в бандитском притоне, еще пострашнее была расплата — рок, вторгающийся в облик Мандарина. В эстонском спектакле все иначе, хотя верность сценарию ничем не нарушена; те же персонажи — трое бандитов, женщина, чья красота служит приманкой, и жертвы, которых она завлекает, казалось бы, разыгрывают ту же драму. Однако у

Бартока услышана тема страсти, которая через потрясение приводит к очищению. Спектакль побуждает снова вслушаться в музыку, и в ней открываются несомненно возвышенные, исполненные человечности и скорби страницы.

Здесь центр всего — молодая женщина. Ее танцует Юта Лехисте. Все, что ее окружает, лишь эскизно намечено. И этот серебристо-синий город, словно мающийся в агонии мир. Сама красота женщины драматична, в тонкой фигуре — напряженность и ломкость. Встреча с Мандарином — существом необычным (но и не мистическим в этой редакции) сначала ее глубоко изумляет, потом пробуждает у нее страх перед чувством, прочно забытым, горько отринутым (тогда она сама призывает бандитов), а далее разворачивается

процесс очищения, возрождения в человеке души. Вся эта сцена — не раз прерываемое, остро драматичное по накалу адажио — бесспорно делает честь хореографу. Смятенным и сложным душевным порывом в ней найден пластический эквивалент. Вобщем хореография Май Мурдмаа основана на доверии к виртуозному танцу. Даже эпизоды с тремя бандитами, в других спектаклях обычно решаемые приемом пантомимной экспрессии, здесь поставлены совсем по-иному: три фигуры, застывшие в стойке, одна за другой приходят в движение, они будто связаны цепной реакцией, нервно-прерывистым ритмом города — бандиты и город тут заодно.

Доверие к танцу закономерно приводит хореографа к балетусимфонии. Таковы «Вариации в стиле барокко» на музыку 4-й

симфонии Гайдна. Здесь танец декоративный, иногда чуть манерный, но неизменно хранящий гармонию, строго подчинен музыкальной структуре. Остро и грациозно раскрыто «Аллегро». Особенно же привлекательно «Анданте» симфонии: лирическое адажио сольной пары разворачивается в темпах плавных и высветленных, а две-три танцовщицы, непрерывно меняясь, как будто отсчитывают мгновения покоя, тем они прекрасней, эти мгновения, под мерный тревожащий аккомпанемент.

Подобный балет — школа для труппы и школа, как видно, далеко не излишняя, ибо отточенности в классическом танце многим исполнителям, недостает. Особенно это видно в финале балета, который включает ряд вариаций (в них лучше остальных Тамара Сооне). Впрочем, и

балетмейстеру финал, поставленный на музыку из другой симфонии Гайдна, удался меньше предыдущих частей.

И, наконец, завершает программу жанровая картинка «Американец в Париже» — балет-ревю на музыку Гершвина. Пожалуй, он мог бы быть интересней, чем получился в конечном итоге. Парень-американец бредет по Парижу, весело глядет на модниц, художников, явно прибавляет хлопот полицейскому, потом встречает милую девушку... Сюжет не мудрен, но музыка Гершвина дает простор и комизму и лирике. Возможности эти хотя и использованы в балете, но все же не в полной мере. А между тем здесь хорош исполнитель главной партии — Янис Гаранцис. Он же танцует и Мандарина, но там ему не хватает значительности. Зато его парень в широкополой панаме, непосредственный, с простодушной ухмылкой, чуть неуклюжий, в лирических сценах по праву оказывается центром внимания.

Балетные гастроли эстонцев в Ленинграде показали, что в театре есть хореограф очень высокой профессиональной культуры, есть и художница — Мари-Лийс Кюла, оформившая спектакли лаконично, со вкусом и пониманием общего замысла.

В. ЧИСТЯКОВА